

В. Г. Белинский

**На сон грядущий. Отрывки
из вседневной жизни. Том
I. Сочинение графа В....**

Виссарион Григорьевич Белинский

**На сон грядущий. Отрывки
из вседневной жизни. Том
I. Сочинение графа В. А.
Соллогуба...**

«Изредка явится в толстом журнале хорошая оригинальная повесть, хорошее стихотворение; потом автор издаст отдельную книгую свои повести или свои стихотворения, в продолжение нескольких лет помещавшиеся в журналах; далее – новые издания этих повестей и стихотворений или новые издания прежних писателей: вот в чем заключается все движение изящной русской литературы нашего времени. За исключением этого, все мертво и пусто; даже посредственность и бездарность, столь деятельные прежде, теперь действуют лениво и робко. Впрочем, в этом есть своя хорошая сторона: лучше немного истинно хорошего, нежели много посредственного и дурного...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский**
**На сон грядущий. Отрывки
из вседневной жизни. Том
I. Сочинение графа В. А.
Соллогуба...**

НА СОН ГРЯДУЩИЙ. Отрывки из вседневной жизни. Том I. Сочинение графа В. А. Соллогуба. Санкт-Петербург. 1844. Печатано в тун, «Journal de Saint-Petersbourg». В 8-ю д. л. 421 стр.

Изредка явится в толстом журнале хорошая оригинальная повесть, хорошее стихотворение; потом автор издаст отдельною книгою свои повести или свои стихотворения, в продолжение нескольких лет помещавшиеся в журналах; далее – новые издания этих повестей и стихотворений или новые издания прежних писателей: вот в чем заключается все движение изящной русской литературы нашего времени. За исключением этого, все мертво и пусто; даже посредственность и бездарность, столь деятельные прежде, теперь действуют лениво и робко. Впрочем, в этом есть своя хорошая сторона: лучше немного истинно хорошего, нежели много посредственного и дурного. Мы не раз уже говорили, что бедность современной русской литературы гораздо значительнее и плодотворнее, нежели прежнее ее богатство, потому что причина этой бедности, между прочим, заключается и в том, что публика сделалась взыскательнее и разборчивее, а для авторства сделался необходимым талант{1}. Таланты же не сеются, а сами рождаются. Прежде быть талантом ничего не стоило, и *новость* прини-

малась за одно с *достоинством*. Действительно, нового было тогда очень много сравнительно с нашим временем; но ценность этого «нового», которое теперь так устарело, уже определяется совсем по другим основаниям. «Северные цветы» считались в свое время лучшим русским альманахом; появление этой крохотной книжки в продолжение семи лет было годовым праздником в литературе, к которому все приготавливались заранее и журнальными и словесными толками. И что же было в этом альманахе? В отделе прозы совершенное ничтожество – статьи г. Ореста Сомова, аллегории г. Ф. Глинки и тому подобные невинные литературные опыты; а сколько балласта в отделе стихов! Хорошего только и было, что стихотворения Пушкина, Жуковского да несколько стихотворений Баратынского: почти все остальное дышало такою посредственностью, таким ничтожеством, что не можешь довольно надивиться бестребовательности тогдашней публики{2}. А между тем сколько было и других альманахов, которые пользовались тогда значительным успехом и которые были еще хуже «Северных цве-

тов»! Какого шума наделали своим появлением повести Марлинского, которые теперь наводят зевоту даже на бывших поклонников этого фосфорического краснослова! И в то же время со вниманием читали отрывки из исторического романа г. Б. Ф(Ө)едорова – «Андрей Курбский» и заранее видели в его сочинителе русского Вальтера Скотта{3}. И в то же время были в восторге от «Гайдамаков» Порфирия Байского, изредка потчевавшего публику гомеопатическими отрывками из этого романа, которому не суждено было выйти из отрывочного существования{4}. И в то же время читали и «Ягупа Скупалова», и «Удивительного человека», и «Записки москвича», говорили и спорили о них{5}. И в то же время автор «Монастырки» снискал себе бессмертную славу{6}. Повести гг. Погодина и Полевого имели своих жарких поклонников, особенно повести последнего{7}. Первые отличались *народностью*: от них так и несло кислую капустою; язык их прямо, целиком перенесен был на бумагу с базара; вторые – эклектической смесью самодельной идеальности и высших взглядов с немецкою сентиментальностью по

манере Клаурена. Где все это и что теперь во всем этом? Альманахи перевелись из моды, потому что слава видеть себя в печати потеряла цену даже и в глазах мальчиков; а хорошие статьи перестали даваться gratis[1]. Повести, о которых мы говорили, как чахоточные дети, все перемерли прежде отцов своих. Повести Гоголя изменили вкус публики, дали новое направление литературе и погубили во цвете лет много повестей и романов старой школы. Писать стало мудрено, успех сделался труден. Прежние повествователи и рассказчики потеряли кредит, исключая тех, которые догадались своротить с старой тропы на новую дорогу. Настал черед новому поколению.

Нам скажут: много ли гениев и талантов явилось из нового поколения? много ли великих творений произвело оно, и не та же ли участь, не то же ли забвение ожидает и его столь хвалимые и так читаемые теперь произведения? Мы можем отвечать на этот вопрос со всею искренностью и без всякого самолюбивого обольщения. Гениев из нового поколения не явилось ни одного, за исключе-

нием автора «Героя нашего времени»; талантов явилось тоже немного, да и написано ими тоже не слишком много. Долго ли они будут читаться – не знаем; но что их повести проживут гораздо дольше повестей, о которых мы говорили, это для нас ясно. И вот почему: покуда оставляя в стороне вопрос о таланте, есть огромная разница между направлением, манерою, духом и содержанием повестей старой и новой школы. Эту разницу можно определить в немногих словах: прежние повести изображали мир, существовавший только в фантазии их авторов, тогда как повести нашего времени изображают действительную жизнь. Литература, в которой нельзя видеть верного зеркала общества, не стоит внимания людей мыслящих и может служить только невинною забавою людям недалеким. Чтобы фактически показать существенную разницу между повестью старой и новой школы, укажем на некоторые из новых произведений в этом роде. Скажите: какая из прежних повестей может быть перечитана после, например, «Колбасников и бородачей», повести Луганского, – писателя не из нового поко-

ления, но даровитого и, к счастью, оставившего свое прежнее ложное направление для нового и лучшего?{8} Была ли прежде хоть одна повесть, которая заслуживала бы какого-нибудь внимания после «Последнего визита», повести псевдонима Нестроева? Скажем более: в какой из прежних повестей найдется столько поразительно верных действительности черт, столько дельных сторон, как в «Чайковском», повести г. Гребенки?.. Повести г. Панаева, столь жадно читаемые теперешнею публикою, не отличаются ни разнообразием, ни особенным присутствием в них чисто поэтического, чисто творческого элемента, – и между тем какую *аркадию* кажутся перед ними прежние повести, какое на их стороне преимущество перед прежними повестями во взгляде на вещи, в дельности направления, в меткой наблюдательности!

Граф Соллогуб занимает одно из первых мест между писателями повестей новой школы. Это талант решительный и определенный, талант сильный и блестящий. Поэтическое одушевление и теплота чувств соединяются в нем с умом наблюдательным и вер-

ным тактом действительности. Как все истинные таланты, он не гоняется за необыкновенными идеалами и умеет находить материалы для поэтических созданий в той прозаической сущности, которая у всех перед глазами, но в которой только немногие провидят и жизнь и поэзию. В основе почти каждой его повести лежит мысль, которая одна дает полноту и целостность сюжету. Поэтому очень трудно пересказывать содержание повестей графа Соллогуба: в них важны не завязка с развязкою, не внешнее событие, а то внутреннее созерцание, которого сюжет служит только выражением и которое постигается и оценивается только созерцанием же. Поэтому художественное достоинство повестей графа Соллогуба преимущественно заключается в подробностях и колорите. По нашему мнению, нет поэзии и творчества, нет мысли в той повести, которую вы знаете, если вам рассказали ее сюжет. Поэтическая повесть непересказываема: ее надо читать, чтоб узнать ее содержание.

Повести графа Соллогуба так известны нашей публике, что нет никакой нужды слыш-

ком распространяться о каждой из них в особенности. Граф Соллогуб начал писать с 1837 года. Первые его опыты: «Три жениха», «Два студента» и «Сережа» – не более, как довольно удачные опыты. «История двух калош» была первою повестью графа Соллогуба, обратившею на его талант общее внимание. «Большой свет» упрочил это внимание за автором «Истории двух калош». Поименованные нами повести составляют содержание первого тома «На сон грядущий». Всякий истинный талант развивается и идет вперед: поэтому очень естественно, что второй том этой книги далеко превосходит первый в достоинстве. В кратком, но исполненном ума и скромного сознания предисловии даровитый автор говорит, что и порадован и опечален постоянным требованием публики на его книгу: порадован, как доказательством, что у нас читать хотят; опечален, как доказательством, что у нас нечего читать. Говоря, что его первые повести не стоили чести второго издания, он признается, что думал их переправить; «но (продолжает он) переправить писанное за десять лет – так же легко, как сделаться десятью го-

дами моложе. Итак, эти повести остаются, как были, со всеми прежними своими недостатками, со всеми прегрешениями неопытности, но под защитой теплых чувств молодости, которые, к сожалению, утрачиваются по мере того, как настоящая оценка искусства и жизни яснее определяется в уме». Не совсем соглашаясь с автором в его строгом суде над своими первыми произведениями, мы очень рады, что он не решил их переправлять. Всякое поэтическое произведение тесно, родственно, кровно связано с породившею его минутою: прошла минута – и переправлять значит портить. Желаем скорее дожидаться второго издания второго тома и выхода третьего. Уверены, что третий будет еще лучше; но в то же время уверены, что и первый сохранит свою цену. Публика бывает судьей ошибочным только на первое время появления новых сочинений; после первой минуты она редко ошибается. Второе издание первого тома сочинений графа Соллогуба можно принимать за третье, потому что в нем публика уже в третий раз читает одни и те же произведения: в первый раз она прочла их в журна-

лах. Значит: на сочинения графа Соллогуба она смотрит не как на приятные новости, но как на произведения капитальные, как на необходимую принадлежность хорошей библиотеки. Не имея причины разделять строгости, очень понятной в истинном таланте, мы смело можем уверить автора, что публика потребовала нового издания первых его опытов не оттого, что ей нечего читать.

Издание книги превосходно, – что делает честь издателю, книгопродавцу г. Иванову, который скоро подарит публику истинно роскошным изданием «Тарантаса», сочинения графа Соллогуба{9}.

Сноски

1

даром (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Это говорилось, например, в начале статьи «Русская литература в 1843 году».

[^^^]

2

Характеристика «в свое время лучшего русского альманаха» несколько односторонняя и не вполне точна. «Северные Цветы» издавались А. А. Дельвигом и О. М. Сомовым в течение восьми лет (1825–1832). Близкое участие в альманахе принимал Пушкин. Помимо некоторых стихотворений Пушкина, Жуковского и Баратынского, в нем публиковались и другие значительные произведения В. Ф. Одоевского, И. И. Лажечникова, П. А. Вяземского, И. А. Крылова, А. Х. Востокова и др. В конце 1820 – начале 1830-х гг. альманах участвовал и в литературной полемике. См. о нем: В. Э. Вацуро. «Северные цветы». История альмана-

ха Дельвига – Пушкина. М., 1978.

[^^^]

3

Исторический роман из событий XVI века. – «Князь Курбский» Б. М. Федорова, прежде чем вышел в 1843 г. отдельным изданием (см. рецензию о нем в т. 5 наст. изд.), печатался отрывками в разных альманахах и журналах 1820–1830-х гг. См. о романе Федорова также в статье «Русская литература в 1842 году» (наст. изд., т. 5, с. 194).

[^^^]

4

См. о О. М. Сомове и его романе в статье «Русская литература в 1842 году» (наст. изд., т. 5, с. 194).

[^^^]

5

«Ягун Скупалов, или Исправленный муж» — роман П. П. Свинына (1830). «Удивительный человек», повесть (1831), и «Записки москвича» (1828) — П. Л. Яковлева. См. о нем также в статье «Русская литература в 1842 году» (наст. изд., т. 5, с. 195).

[^^^]

6

Автор «Монастырки» (роман в 2-х частях, 1830–1831) – А. А. Перовский (псевдоним: Антоний Погорельский). Роман «Монастырка» при своем появлении был встречен хвалебными отзывами некоторых органов печати, в частности – «Литературной газеты» Пушкина – Дельвига.

[^^^]

7

Резко изменившийся (сравнительно с его отношением в статьях 1830-х гг.) взгляд Белинского на повести М. П. Погодина с их «простонародностью» и Н. А. Полевого с их «идеальностью» проводился и в статье «Русская литература в 1843 году» (см. с. 13–14).

[^^^]

8

Ср. аналогичное суждение об эволюции Казака Луганского (В. И. Даля) как повествователя в статье «Русская литература в 1843 году», с. 19.

[^^^]

9

Это издание «Тарантаса» вышло в 1845 г. См. рецензию и статью о нем в наст. т.

[^^^]

[^^^]